

УДК 316.33

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ СПОРТИВНОГО ФАНАТИЗМА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

А.П.Спорник

INSTITUTIONALIZATION OF SPORTS FANATICISM IN THE CONTEXT OF SOCIAL MANAGEMENT

A.P.Spornik

Гуманитарный институт НовГУ, Alexander.Spornik@novsu.ru

В статье рассматриваются особенности институциональных трансформаций спортивного фанатизма в контексте социального управления. Глобальные изменения управленческих моделей современным обществом превратили спорт в необычайно мощную технологию социального контроля над массами, а фанатизм — в действенный инструмент достижения и производства «общественного консенсуса», в том числе силовыми методами.

Ключевые слова: *социальное управление, идеология, спорт, спортивный фанатизм, фан-движение, институализация, технологии власти*

The article describes the features of the institutional transformations of sports fanaticism in the context of social control. Global change management models of modern society transformed the sport in a powerful technology of social control over the masses, and fanaticism turned into an effective instrument for achieving and production the «social consensus», including force.

Keywords: *social control, sport, sports fanaticism, the fan movement, institutionalization, technologies of power*

Актуальность исследования спортивного фанатизма обусловлена характером социальных процессов, происходящих в современном мире. Системные

трансформации постиндустриального социума протекают под флагом интенсивного формирования единого (глобального) мирового экономического и инфор-

мационного пространства, основными характеристиками которого принято считать нарастающую интеграцию мировой экономической системы, технологическую стандартизацию, международную унификацию политико-правовых норм, глобальное распространение стандартизированной продукции и господство массовой культуры. Это приводит к тому, что не только в теории, но и в реальной социальной практике стираются («затираются») границы и различия между государствами, языками и культурами, унифицируется быт, образ жизни и, что самое главное, способ мышления и отношение к миру миллиардов людей. Как пишет А.Петров, этот процесс логично оформляет собой демократический «проект современности», черты которого носят универсальный характер и поэтому «объективно» распространяются на все существующие «современные» общества, стремительно разрушая «старый» мировой порядок, основывавшийся на воспроизводстве национально-государственных идентичностей, замещаемых универсальной системой «демократического глобального управления». [1, с. 6].

Одновременно с этим, глобальная «интеграция» протекает на фоне интенсивного столкновения различных идей и частных корпоративных идеологий, что формируют объективные предпосылки и питательную среду для возникновения корпоративного и бытового национализма, всех видов экстремизма и многочисленных форм протестных и «неформальных» движений, куда можно отнести и проявления фанатизма, в том числе спортивного. Особенности современного социального функционирования института спортивного фанатизма выражены тем, что в потребительском обществе он перестаёт быть просто стихийным бунтом против существующего строя и общественного порядка. В сложившихся на сегодняшний день условиях бизнес и власть охотно делают «ставку на фанатизм», вписывая его в прокрустово ложе потребительских практик и тут же превращая в действенный инструмент политической борьбы.

Именно поэтому такое явление, как спортивный фанатизм, необходимо изучать для того, чтобы избежать социальной дезорганизации, а также при разработке прикладных аспектов, связанных с «нормализацией» процедур взаимодействия власти и институтов гражданского общества, а также сглаживания как уже имеющихся конфликтов, так и предотвращения возможных социальных потрясений, деструктивно влияющих на его стабильное развитие.

Сейчас сложно назвать сферу деятельности, обладающую на сегодняшний день большим потенциалом в деле управления и манипулирования широкими массами, нежели спорт, ставший скрепляющим элементом современных национальных идеологий, что они, порой, просто отождествляются с ним. Однако социальные аспекты спорта, с одной стороны, очевидны, а с другой — недостаточно изучены, и в силу этого недостаточно используются в социальном управлении и социальных практиках современного общества и требуют комплексного исследования. В условиях возрастания градуса социальной агрессии,

утверждения принципов демонстративного, устрашающего соперничества для приобретения и повышения социального статуса, легализующихся и канализирующихся в рамках института спорта, уже сложилась новая социальная сила, воспринимаемая властью как угроза сложившемуся социальному порядку, который размывается неконтролируемыми действиями фанатских группировок. Здесь можно говорить о своеобразных реинкарнациях «хищнического образа жизни» в нынешнем социально-корпоративном контексте [2].

В этой связи интересными видятся параллели, связанные с исследованием смыслового гнезда понятия «фанатизм» и историей контекстов его употребления. Слово «фанатизм» «происходит от латинского “fanaticus”, обозначающего доведённую до пределов преданность вере и её догмам, объединённую с крайней нетерпимостью к иным верованиям и взглядам. С другой стороны, грамматическая основа понятия “фанатизм” практически происходит от латинского — “fanum” (храм), что и становится формальной религиозной предпосылкой существования и идеологическим основанием обоснования и неминуемой, а потому и официально приемлемой формой политической реализации фанатизма» [3, с. 186].

Впервые понятие «фанатизм» было введено в повседневный оборот католическим епископом Жаком Бенинем Боссюэ, одним из главных идеологов французского абсолютизма. Будучи рационалистом и непосредственным предшественником эпохи Просвещения во Франции, Боссюэ редуцировал религию к морали и дисциплине, видя в ней лишь образец нравственного поведения и инструмент социального управления. В каждом же носителе иной религиозности (самостоятельном религиозном чувстве, не регулируемом никакой богословской системой или церковной структурой) видел фанатика, сектанта и еретика. Окончательно в значении религиозной нетерпимости и экстремистской формы религиозности закрепил тот термин Вольтер, высказавший мысль о том, фанатик, отстаивая ту ортодоксию, хранителем которой он себя считает, готов казнить и убивать, при этом он всегда и исключительно опирается на силу. Фанатизм всегда мрачен и жесток, это одновременно суеверие, лихорадка, бешенство и злоба — в этом, согласно Вольтеру и заключается вся суть религиозного фанатизма. Не лишним здесь будет упомянуть и тот факт, что в латинском слове “fanaticus” слышится отголосок греческого “thanatikos” — смертоносный, что может свидетельствовать о пренебрежительном отношении фанатика не только к чужой жизни, но и своей собственной [4]. В современном «цивилизованном» мире «фанатизм не является стилистическим признаком одной лишь религии, а предстаёт [...] нормой институализированной социальности как таковой [...] Вместе с тем, государство [...] маркирует статусом фанатизма лишь те социальные акции, которые угрожают социальным основаниям аппаратного формирования, механизмам обыденной реализации и конвейерного воспроизведения власти» [3, с. 186].

Фанатское движение изначально, в конце 70-х — начале 80-х в СССР сознательно оформлялось как

противопоставляющее себя действующей власти, политическому режиму, как ещё один способ социального протеста, что выражалось во всех формах его существования в социальном пространстве советской действительности. Поэтому оно было принципиально вне всякой политики и чуралось каких бы то ни было форм сотрудничества с комсомольским, например, официозом. Потому открытое вмешательство в дела фанатского движения со стороны «проповедников от политики» не просто не поощряется, но и вызывает неприкрытую агрессию со стороны руководства движения. Как утверждают сами лидеры фанатского движения, в спортивном фанатизме политике места нет, каждый фанат может иметь свои политические взгляды и убеждения, но если он приходит на трибуну, поддерживает свою команду, остальное никого волновать не должно [5].

Однако уже с середины 90-х годов в России некоторые политические партии и движения стали обращать внимание на фанатов, поскольку те представляют собой, в отличие от других «неформальных» молодёжных течений, достаточно многочисленное и чётко организованное объединение молодёжи. Несмотря на открытую демонстрацию презрения к политике и использованию социальных ресурсов спорта и его разнообразной институциональной инфраструктуры в практиках управления социальными и политическими процессами, многие фанатские группировки шли с ними на сотрудничество и использовали, в том числе, для «силового решения проблем».

Во многом поэтому в обществе сложился однозначно негативный образ спортивного фаната: драки на стадионах и за их пределами, уличные беспорядки и массовые погромы, ксенофобия и национализм — именно так выглядит спортивный фанат глазами средств массовой информации, часто с подачи правоохранительных органов. В фанатской среде за всем этим видят далеко не бескорыстные интересы [6]. Но объективности ради следует обратить внимание на то, как легко проникают в фанатскую субкультуру идеи крайне правого толка. А.Тарасов усматривает в этом влияние двух факторов, характеризующих субкультуру спортивного фанатизма: во-первых, принципиальной незавершённости, неполноты фанатской субкультуры, а во-вторых, её изначально ксенофобский характер. Как недостроенная, она оказалась подвержена внешнему влиянию, в том числе других субкультур, а агрессивное деление на «своих» и «чужих» заложено в её основание. Именно поэтому не столь сложно внедрить в фанатскую среду установки националистического и расистского характера или добиться того, чтобы фанатская среда терпела в своих рядах сознательных националистов, шовинистов и расистов [7]. На самом деле и высокий уровень агрессии и ксенофобии среди фанатов влияет, несомненно, и общий уровень ксенофобских настроений в обществе, связанных с миграцией, межэтническими проблемами, социальным расслоением и т.д. И всё же среди националистических партий и движений в России ни одна не может похвастаться тем, что определяет политическое лицо русского футбольного фана-

тизма. Показательна история «русских маршей»: успех первого «марша» состоялся как раз по причине того, что туда пришли представители праворадикального крыла фанатского движения. Но «как только там появились идеологи типа ДПНИ, фанаты просто брезгливо отошли в сторону. И второй “Русский марш” сразу же откровенно провалился» [5].

Несложно заметить, что взаимоотношения власти и фанатского движения реализуются в самых разных, подчас, противоположных, и, на первый взгляд, несовместимых друг с другом формах. С одной стороны, власть боится той силы, что представляют собой хорошо организованные фанаты, не без основания воспринимая её как угрозу существующему строю, государству, потому всячески старается их приручить и использовать в своих целях. С другой стороны, фанаты, вследствие закреплённого за ними в медиа негативного образа, являются своеобразным «козлом отпущения», на которого можно свалить организацию массовых беспорядков, разжигание межнациональной и иной розни, чтобы поддерживать необходимый уровень социального напряжения и ужесточать отдельные статьи закона под благовидным предлогом сохранения социальной стабильности. Наконец, власть сама культивирует спортивный фанатизм и потакает ему, используя в качестве действенной меры отвлечения «широких масс» от политического процесса и повысить степень их управляемости.

Таким образом, не отрицая искренности убеждений и поведения принадлежащих к фанатским группировкам людей, всё же приходится признать, что современные формы реализации их настроений полностью детерминированы профилем государственной власти и законами (а чаще — беззаконием) борьбы за власть. Современная политическая практика показывает и всякий раз указывает на то, что институциональные превращения спортивного фанатизма активно используются в социальном управлении и социокультурных практиках современного общества, а потому требуют комплексного, социально-философского исследования. Б.Марков не случайно отмечает, что «наступление эры масс сопровождается разработкой ритуалов, контролирующих поведение людей» [8, с. 185]. Поэтому изучение и социально-философская интерпретация технологий управления, обрабатываемых применительно к спортивному фанатизму, позволяет в полной мере оценить властные стратегии превращения его в действенный инструмент достижения и производства «общественного консенсуса», в том числе силовыми методами. Здесь можно обоснованно предположить, что повсеместное насилие, сопровождающее фанатскую подоплёку современного спорта, выступает сегодня одним из главных оплотов мужского шовинизма, нагнетая корпоративную или национальную гордость и провоцируя агрессию по отношению к «чужим», исподволь навязывая «цивилизованному» обществу «милитаристские ценности».

Именно на основании анализа непрерывно развивающегося и тщательно культивируемого спортивного фанатизма можно констатировать, что спорт в

настоящее время представляет собой один из ведущих способов либерального и «мягкого» управления социальными отношениями, поддерживающего, таким образом, достаточно высокий уровень латентной агрессии и мобилизационной готовности масс, а также постоянно актуализирующего необходимость взаимной милитаризации всего социального пространства. Такая ситуация, по сути, придаёт спортивному фанатизму и властному контролю над ним весомое значение в структурах управленческих практик, поскольку позволяет посредством периодической медийной возгонки именно телесных, всем и каждому «понятных» культов, консолидировать интеллектуально разрозненную «социальную материю» для выполнения поставленных задач на всех возможных фронтах социального противостояния.

Согласно уже апробированным веками властным технологиям, контроль над спортом включая околоспортивную инфраструктуру, наравне с традиционными институтами — политикой и экономикой, выступает средством управления социальными процессами. «Уже простая информация о спорте носит идеологический характер, служит средством управления спортом и спортивным движением, спортивной пропаганды, агитации, рекламы и т.п. То есть идейно-политическая функция предусматривает рассмотрение не только собственно идеологических и политических аспектов, но и пропагандистского, а также управленческого» [9]. На уровне современной политтехнологии перманентная реанимация особой социальной значимости спорта и признание спортивного фанатизма в качестве особого весьма эффективного инструмента социального управления, является способом актуализации коллективного бессознательного в определённом роде «демократическом» контексте.

1. Петров А.В. «Глобализация» экономики: социальные и политические аспекты. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. 198 с.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
3. Маленко С.А., Некита А.Г. Археология Самости: архетипические образы осуществления Человеческого и формы его социального оборотничества: Монография. Великий Новгород, 2008. 298 с.
4. Чистяков Г. Психология религиозного фанатизма [Электр. ресурс]. // Век толерантности: научно-публицистический вестник / ред. А.Г.Асмолов. URL:

<http://www.tolerance.ru/VT-3-4-psihologiya.php?PrPage=VT> (дата обращения: 19.03.2015).

5. Жвания Д. Битва за сектор. Записки фаната. СПб.; М.: Лимбус-пресс, 2011. 320 с.
6. Козлов В. Фанаты. Прошлое и настоящее российского околоспорта. М., 2008. 106 с.
7. Тарасов А. Субкультура футбольных фанатов в России и правый радикализм // Русский национализм между властью и оппозицией / Под ред. В.Прибыловского. М.: Центр Панорама, 2010. С. 18-51.
8. Марков Б. Олимпийский миф: ностальгия по единству // Бренное и вечное: идеология и мифология социальных кризисов: материалы всерос. науч. конф. 20-21 октября 2009 г.; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2009. С. 183-186.
9. Леонтьев А. Спорт. Социокультурные характеристики спорта в современном обществе [Электр. ресурс]. URL: <http://www.unibassein.ru/trainer/kurs/t7.htm>, (дата обращения: 26.02.2010).

References

1. Petrov A.V. "Globalizacija" jekonomiki: social'nye i politicheskie aspekty ["Globalization" of the economy: the social and political aspects]. Saint Petersburg, 2009. 198 p.
2. Veblen T. The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions. New York, 1934. (Russ. ed.: Veblen T. Teorija prazdnogo klassa. Moscow, 1984. 367 p.)
3. Malenko S.A., Nekita A.G. Arheologija Samosti: arhetipicheskie obrazy osushhestvlenija Chelovecheskogo i formy ego social'nogo oborotnichestva. Monografija [The Archaeology of the Self: archetypal images of the implementation of Human and forms of its social shape-shifting]. Velikij Novgorod, 2008. 298 p.
4. Chistjakov G., Asmolov A.G. (ed.). [Psychology of religious fanaticism]. Vek tolerantnosti: nauchno-publicisticheskij vestnik. Available at: <http://www.tolerance.ru/VT-3-4-psihologiya.php?PrPage=VT> (accessed: 19.03.2015) (In Russ.).
5. Zhvanija D. Bitva za sektor. Zapiski fanata. [Battle for the sector. Memoirs of the fan]. Saint Petersburg; Moscow, 2011. 320 p.
6. Kozlov V. Fanaty. Proshloe i nastojashhee rossijskogo okoloftubola [Past and present of the Russian football hooliganism]. Moscow, 2008. 106 p.
7. Tarasov A., Pribylovskiy V. (ed.). Subkul'tura futbol'nyh fanatov v Rossii i pravyy radikalizm [The subculture of football fans in Russia and right-wing radicalism]. Russkij nacionalizm mezhdru vlast'ju i oppoziciej. Moscow, 2010, pp. 18-51.
8. Markov B. [Olympic myth: nostalgia for the Soviet]. Brennoe i vechnoe: ideologija i mifologija social'nyh krizisov: materialy vseros. nauch. konf. 20-21 oktjabrja 2009. [Proc. of scientific conf. "Temporal and eternal: the ideology and mythology of social crises"]. Velikij Novgorod, 2009, pp. 183-186. (In Russ.).
9. Leontjuk A. Sport. Sociokul'turnye harakteristiki sporta v sovremennom obshhestve [Sociocultural characteristics of sport in contemporary society]. Available at: <http://www.unibassein.ru/trainer/kurs/t7.htm> (accessed: 26.02.2010).